

В.В. Микляшевский

**Обозрение польской юридической
литературы за 1872 г. Преимущественно по
уголовному праву**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В.В. Микляшевский
В11 Обзорение польской юридической литературы за 1872 г. Преимущественно по уголовному праву / В.В. Микляшевский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 36 с.

ISBN 978-5-458-14077-5

Обозрение польской юридической литературы за 1872 г. Преимущественно по уголовному праву.
(Извлечено из "Судебн. Журн." кн. 1 и 2 за 1874 год).

ISBN 978-5-458-14077-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

скаго, каноническаго, древне-германскаго и древне-польскаго права, касающіяся этого вопроса, а преимущественно подвергнувъ разбору положенія австрійскаго кодекса и уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1847 г., имѣющаго обязательную силу въ Царствѣ Польскомъ, онъ приходитъ къ заключенію, что законодательства должны обозначать три періода малолѣтства, а именно:

а) періодъ безусловной неотвѣтственности, обозначеніе котораго зависитъ отъ климатическихъ и общественныхъ условій каждаго народа;

б) періодъ относительной отвѣтственности, въ которомъ судья долженъ прежде всего опредѣлить, дѣйствовалъ ли виновный сознательно и, наконецъ,

в) періодъ безусловной отвѣтственности, въ которомъ человѣкъ обыкновенно отвѣчаетъ за содѣянное имъ.

О престарѣлости и глухонѣмотѣ Боярскій говоритъ ниже, не считая возможнымъ зачислить эти причины невмѣняемости въ эту категорію.

Второй отдѣлъ перваго раздѣла посвященъ объясненію тѣхъ состояній, въ которыхъ свобода человѣка временно уничтожена, а именно:

а) Порывы (*Gemüthstaumel*), которые Боярскій желаетъ строго отличать отъ сильныхъ волненій ума (*Gemüthsbewegungen*). Хотя Боярскій и сознаетъ, что точныхъ научныхъ границъ между этими понятіями установить невозможно, но все-таки критеріумомъ этого различія онъ считаетъ: причину, вызвавшую умственное волненіе; обстоятельства, сопутствующія дѣянію, и свойства самаго дѣянія; умственные свойства дѣйствующаго и, наконецъ, его поведеніе послѣ совершенія дѣянія. Порывы онъ считаетъ причиною, исключяющею отвѣтственность лица, сильныи волненія ума—обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину, а въ сомнительныхъ случаяхъ даже исключяющею отвѣтственность, по началу *in dubiis in mitius*.

б) Сонъ, сонность, сомнамбулизмъ,—опѣнку которыхъ Боярскій оставляетъ за психіатрами-спеціалистами, возлагая на судью обязанность руководствоваться ихъ мнѣніемъ.

в) Опьянѣніе, въ отношеніи котораго, рассмотрѣвъ постановленія различныхъ законодательствъ, начиная съ римскаго, и мнѣнія ученыхъ,—указавъ на обязанность государства противодѣйствовать распространенію пьянства и на новѣйшія по этому предмету постановленія во Франціи и въ Англіи, авторъ разсматриваемаго нами сочиненія высказываетъ мнѣніе, что полное опьянѣніе исключаетъ сознаніе, а потому и отвѣтственность.

г) Временныя болѣзненныя состоянія. Боярскій зачисляетъ здѣсь и свѣтъ луны, которая въ извѣстныхъ обстоятельствахъ очень вредно дѣйствуетъ на человѣческой организмъ, но доволь-

ствуется замѣчаніемъ, что при оцѣнкѣ такихъ состояній свѣдущими могутъ быть только врачи-эксперты, отъ которыхъ судья можетъ требовать возможно-точного мнѣнія, составляющаго основаніе судебнаго рѣшенія.

Наконецъ третій отдѣлъ разсматриваемаго нами раздѣла посвященъ объясненію состояній, которыя лишаютъ свободы постоянно, а именно:

а) Душевные болѣзни. Боярскій отвергаетъ мономаніи различныхъ названій, напр. *Necrophiles*, *Mutomonomania*, *Logomania*, *Erotomania*, *Kleptomania*, *Pugomania* и пр., а также *amentia occulta* и бѣшенство безъ бреда (*mania sine delirio*). Онъ требуетъ настойчиво, чтобы юристы, а въ особенности криминалисты, точно знакомились съ результатами естественныхъ наукъ, а преимущественно медицины. Далѣе, указавъ на дѣленія душевныхъ болѣзней различными ученіями, онъ принимаетъ дѣленіе проф. Гризингера, которое приводитъ подробно. Затѣмъ онъ старается опровергнуть вмѣняемость дѣяній, совершенныхъ во время свѣтлыхъ промежутковъ (*lucida intervalla*), и указываетъ на характеристическія черты, по которымъ можно разузнуть притворныя душевныя болѣзни (*simulatio*). Наконецъ, онъ разсматриваетъ постановленія прежнихъ и новыхъ законоположеній по этому предмету и высказываетъ мнѣніе, что законодатель долженъ, въ теперешнемъ состояніи науки, довольствоваться только общимъ опредѣленіемъ этого предмета и избѣгать исчисленія формъ душевныхъ болѣзней, даже въ видѣ примѣровъ.

б) Недостатокъ чувствъ, а преимущественно зрѣнія, и глухонѣмота. Послѣдняя при отсутствіи образованія исключаетъ отвѣтственность.

Наконецъ Боярскій упоминаетъ здѣсь о престарѣлости и полной одичалости, которыя, по его мнѣнію, при извѣстныхъ условіяхъ тоже исключаютъ отвѣтственность.

Во второмъ раздѣлѣ второй части, подѣ заглавіемъ: «Формальная сторона воли человѣка», Боярскій разсматриваетъ всѣ степени умысла и различныя его дѣленія, не упуская изъ виду и тѣхъ, которыя уже оставляются въ наукѣ, напр. *dolus praemeditatus et impetus vel dolus repentinus*, *dolus determinatus et dolus indeterminatus*, *dolus alternativus et dolus eventualis*, *dolus directus et dolus indirectus*, *dolus antecedens concomitans et subsequens*, *dolus generalis et dolus specialis*, —приводя въ оправданіе, что и эти дѣленія изоцряютъ вниманіе судей и содѣйствуютъ справедливой оцѣнкѣ виновности.

Послѣдній, третій раздѣлъ, подѣ заглавіемъ: «Осуществленіе человѣческой воли», Боярскій дѣлитъ на два отдѣла.

Въ первомъ изъ нихъ авторъ говоритъ о дѣяніяхъ, не подлежащихъ вмѣненію, а именно: по недостатку самаго дѣянія (*cogita-*

tionis poenam nemo patitur, delicta putativa), по недостатку воли (vis major, vis absoluta, vis compulsiva) и по недостатку связи между дѣйствиемъ и волею (error facti, aberratio actus vel ictus.) Въ эту категорію онъ не зачисляетъ: заблужденія по отношенію къ предмету (error in objecto, in personâ), считая оное не имѣющимъ вліянія на наказуемость дѣянія, если поврежденный предметъ тѣхъ же свойствъ, которыми отличался намѣренный, — и незнанія закона (ignorantia seu error juris criminalis), потому что оно можетъ относиться только къ delicta juris civilis, а въ уложеніяхъ о наказаніяхъ должны быть обозначены только delicta juris naturalis. На счетъ вопроса, на сколько незнаніе закона можетъ освобождать отъ наказанія, Боярскій совѣтуетъ избѣгать въ уложеніи всякихъ опредѣленій и оставить рѣшеніе этого вопроса судѣ, который, соображая обстоятельства изслѣдуемаго дѣла, разрѣшитъ его по совѣсти.

Во второмъ отдѣлѣ послѣдняго раздѣла, Боярскій говоритъ о дѣйствіяхъ ненаказуемыхъ и разсматриваетъ ствѣтственность дѣйствующаго въ случаяхъ: когда лице, на которомъ совершается дѣяніе, соглашается на оное (volenti non fit injuria) и когда общество лишило предметъ, на которомъ совершено дѣяніе, юридическихъ свойствъ; затѣмъ упоминаетъ о состояніи крайней необходимости и необходимой оборонѣ и заключаетъ свое сочиненіе указаніемъ на поводы, исключаютіе наказаніе, а именно — смерть преступника, давность, помилованіе, примиреніе съ обиженнымъ и силу рѣшеннаго дѣла.

Добросовѣстный трудъ Боярскаго, хотя содержитъ въ себѣ не много новаго, но основанъ на тщательномъ изученіи литературы и законодательствъ по столь важному въ уголовномъ правѣ предмету, и составляетъ хотя краткое, но весьма полезное руководство для юристовъ, практиковъ и для изучающихъ уголовное право молодыхъ людей.

Иосифъ Островскій раздѣляетъ свое сочиненіе, «Законная сила свидѣтельскихъ показаній въ уголовномъ судопроизводствѣ. Берлинъ 1872 года» на 22 §§, изъ которыхъ первые пять объемлютъ введеніе, и объясняютъ слѣдующіе вопросы: о доказательствѣ вообще, о судебномъ - уголовномъ доказательствѣ, значеніе свидѣтельскихъ показаній вообще и судебного доказательства изъ свидѣтельскихъ показаній въ особенности, значеніе свидѣтельскихъ показаній въ уголовномъ и гражданскомъ судопроизводствѣ, краткій очеркъ историческаго развитія значенія свидѣтельскихъ показаній въ уголовномъ судопроизводствѣ.

Первый § авторъ начинаетъ съ вывода понятія правды и замѣчаетъ, что правда существуетъ независимо отъ того, сознаетъ ли ее человекъ или нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ она составляетъ существо предмета, въ первомъ же — согласіе убѣжденія субъек-

екта съ существомъ объекта (2 стр.) Убѣжденіемъ авторъ называетъ такое состояніе ума, въ которомъ субъектъ сознаетъ основанія, на которыхъ опирается правда. Такъ какъ основанія эти могутъ быть различной силы, то слѣдуетъ различать—достоувѣрность и вѣроятность. Достоувѣрность существуетъ тогда, когда эти основанія столь сильны, что исключаютъ возможность полагать противное. Вѣроятность же—тогда, когда они допускаютъ предполагать противное. Для изслѣдованія правды служатъ два источника человѣческаго познанія, а именно—опытъ и разумъ, которые можно разсматривать въ слѣдующихъ формахъ: внутреннее самосознаніе, непосредственный чувственный опытъ, посредственный чувственный опытъ, выводъ (*deductio*) и наведеніе (*inductio*). Источники эти сами по себѣ не представляютъ еще достоувѣрности, но они составляютъ необходимыя условія, посредствомъ которыхъ субъектъ можетъ изслѣдовать правду. Основанія достоувѣрности, происходящія изъ дѣятельности источника познанія, называются доказательствами. Доказательство—это основаніе достоувѣрности (3 и 4 стр.)

Во второмъ § авторъ опредѣляетъ значеніе судебного доказательства, различаетъ доказательства гражданскія отъ уголовныхъ, формальныя отъ матеріальныхъ, и разсматриваетъ три главныя системы изслѣдованія объективной достоувѣрности, а именно—теорію законныхъ доказательствъ, систему внутренняго убѣжденія (*intime conviction*) и наконецъ англійскую систему (*Law of evidence*). Первую изъ этихъ системъ—теорію законныхъ доказательствъ—онъ подвергаетъ обстоятельной критикѣ (9—17 стр.) и высказывается въ пользу системы внутренняго убѣжденія.

Познакомивъ читателя съ этими общими понятіями, Островскій переходитъ въ 3 § къ объясненію значенія свидѣтельскихъ показаній вообще и судебного доказательства изъ свидѣтельскихъ показаній въ особенности. Указавъ, что свидѣтельскія показанія—это одинъ изъ самыхъ важныхъ и обильныхъ источниковъ познанія, Островскій сводитъ всѣ условія достоувѣрности свидѣтельскихъ показаній къ слѣдующимъ тремъ:

- 1) свидѣтель долженъ быть способенъ правильно наблюдать и передавать свои наблюденія;
- 2) свидѣтель долженъ желать передать свои наблюденія правдиво;
- 3) самая передача наблюденій должна отличаться такими качествами, которыя бы убѣждали въ томъ, что свидѣтель дѣйствительно удовлетворяетъ предыдущимъ двумъ условіямъ.

Въ заключеніе этого § авторъ даетъ такое опредѣленіе судебного свидѣтеля: «Судебный свидѣтель—это постороннее лицо, показывающее предъ судомъ по собственному наблюденію о существованіи или несуществованіи извѣстнаго дѣянія».

Въ 4 § авторъ разсматриваемаго нами сочиненія опредѣляетъ значеніе свидѣтельскихъ показаній въ уголовномъ и гражданскомъ

судопроизводствѣ и подвергаетъ подробному разбору постановленія 1341 и слѣд. стат. гражданскаго кодекса, а въ 5 § представляетъ самый краткій, но ясный очеркъ историческаго развитія значенія свидѣтельскихъ показаній въ уголовномъ судопроизводствѣ, въ которомъ упоминается и о переходныхъ формахъ свидѣтельства, а именно—о судахъ божьихъ и о соприсяжникахъ (*conjuratores. Eideshelfer.*)

Послѣ такого введенія, Островскій переходитъ къ изложенію законной силы свидѣтельскихъ показаній въ уголовномъ судопроизводствѣ и, обозначивъ въ 6 § этотъ вопросъ вообще, разсматриваетъ въ 7 § различное значеніе свидѣтельскихъ показаній, смотря по системѣ судопроизводства. Здѣсь авторъ обращаетъ вниманіе, что слѣдственная система, примѣняя аналитическій методъ изслѣдованія правды, заставляетъ приглашать и допрашивать въ качествѣ свидѣтелей всѣхъ лицъ, которыя, по мнѣнію суда, могутъ содѣйствовать изъясненію правды,—обвинительная же система, примѣняя синтетическій методъ изслѣдованія правды, возлагаетъ на судъ обязанность допрашивать въ качествѣ свидѣтелей только тѣ лица, которыя обозначены въ обвинительномъ актѣ. Затѣмъ авторъ замѣчаетъ, что теорія законныхъ доказательствъ, свойственная слѣдственной системѣ, при оцѣнкѣ доказательной силы свидѣтельскихъ показаній раздѣляетъ свидѣтелей на неспособныхъ (*testes inhabiles*), подозрительныхъ (*testes suspecti*) и классическихъ или достовѣрныхъ (*testes classici*) и опредѣляетъ, что только на показаніяхъ свидѣтелей послѣдней категоріи можно основывать юридическую достовѣрность, а также что теорія внутренняго убѣжденія, свойственная обвинительной системѣ, не придаетъ особеннаго значенія этому подраздѣленію, и потому, хотя въ нѣкоторыхъ законодательствахъ исчисляются иногда категоріи лицъ, неспособныхъ приносить свидѣтельскія показанія, но такое исчисленіе имѣетъ только значеніе руководства для суда, не ограничивая его убѣжденія. Наконецъ, въ томъ же 7 § Островскій говоритъ о свидѣтеляхъ, допрашиваемыхъ для справки (*pro informatione,—pour renseignement*, 269 ст. Code d'instruction criminelle). Указавъ, что эта послѣдняя категорія свидѣтелей, свойственная теоріи законныхъ доказательствъ, совершенно противорѣчитъ основнымъ началамъ теоріи внутренняго убѣжденія, авторъ замѣчаетъ, что свидѣтели для справки явились вслѣдствіе опредѣленій, что списокъ лицамъ, которыя слѣдуетъ допросить въ судебномъ слѣдствіи, долженъ быть препровожденъ сторонамъ, дѣйствующимъ въ процессѣ, заблаговременно (315 ст. Code d'instruc. criminel., 577 ст. устава уголов. судопроизводства), а затѣмъ что предсѣдателю суда была ввѣрена дискреціонная власть (*pourvoir discrétionnaire*), съ цѣлью обезпечить возможность воспользоваться, для изъясненія дѣла, и вновь

открытыми доказательствами, послѣ сообщенія списка лицамъ, которые должны быть допрошены въ судебномъ слѣдствіи.

Островскій указываетъ на слѣдующіе способы разрѣшенія затрудненія, проистекающаго отъ опредѣленія 315 ст. Code d'instruction criminelle и 577 ст. устава уголов. судопроиз.:

а) или вовсе не пользоваться показаніями новыхъ свидѣтелей, не внесенныхъ въ списки, сообщаемые сторонамъ. Это рѣшеніе авторъ считаетъ противорѣчащимъ главной цѣли уголовнаго судопроизводства—ислѣдованію правды;

б) или, подражая французскому образцу, признать за предсѣдателемъ суда дискреціонную власть, а показанія новыхъ свидѣтелей признавать только за renseignement. Это рѣшеніе авторъ считаетъ болѣе подходящимъ, чѣмъ предыдущее, но не выдерживающимъ критики, по поводу смѣшенія свидѣтельскихъ показаній для справки съ системою внутренняго убѣжденія;

в) или признать за предсѣдателемъ суда дискреціонную власть, а показанія вновь допрошенныхъ свидѣтелей сравнить съ показаніями тѣхъ лицъ, которые были обозначены въ спискѣ, сообщаемомъ, по 315 ст. Code d'instruc. criminel. и 577 ст. устава уголов. судопроиз., сторонамъ. Это рѣшеніе авторъ признаетъ еще болѣе правильнымъ, но на столько неудовлетворительнымъ, на сколько дискреціонная власть нарушаетъ безпристрастіе предсѣдателя суда;

г) или, наконецъ, подражая англійскому образцу, признать за показаніями свидѣтелей, не обозначенныхъ въ спискахъ, препровождаемыхъ сторонамъ, значеніе юридическихъ доказательствъ на столько, на сколько обѣ стороны, дѣйствующія въ процессѣ, согласятся на допросъ этихъ свидѣтелей. Это послѣднее рѣшеніе авторъ считаетъ самымъ правильнымъ, ибо оно не противорѣчитъ цѣлямъ уголовнаго судопроизводства, ни системѣ внутренняго убѣжденія, и освобождаетъ предсѣдателя отъ пагубнаго вліянія дискреціонной власти.

Намъ кажется, что и послѣднее рѣшеніе не вполне удовлетворительно, ибо оно вводитъ начало произвола сторонъ, чуждое уголовному судопроизводству. Имѣя въ виду причины, вызвавшія постановленіе, обозначенное въ 315 ст. Code d'instruc. crimin. и 577 ст. устава уголов. судопроиз., можно бы рѣшить подлежащій вопросъ такимъ образомъ: о новомъ свидѣтелѣ стороны должны быть извѣщены, и если онъ готовъ допрашивать его, то допросъ происходитъ немедленно, а если нѣтъ — то допросъ происходитъ черезъ двадцать четыре часа; показанію же такого свидѣтеля въ обоихъ случаяхъ придается значеніе юридическаго доказательства. (Срав. 733 и 734 ст. устава уголов. судопроиз.)

Порѣшивъ такимъ образомъ теоретическій вопросъ, Островскій разсматриваетъ затѣмъ: пользуется ли предсѣдатель суда по уставу уголовнаго судопроизводства 1864 г. дискреціонною

властью? въ какомъ порядкѣ могутъ быть допрошены свидѣтели, не обозначенные въ спискѣ, препровождаемомъ сторонамъ? и какое значеніе показаній свидѣтелей, допрашиваемыхъ въ судебномъ слѣдствіи на основаніи 733 и 734 ст. устава угол. судопроизводства?

Первый изъ этихъ вопросовъ авторъ рѣшаетъ отрицательно, хотя онъ полагаетъ, что по 612, 614, 766, 804 ст. устава уголов. судопроиз. можно бы думать, что законодатель имѣлъ въ виду даровать предсѣдателю суда дискреціонную власть.

Второй вопросъ онъ рѣшаетъ на основаніи 733 и 734 ст. устава уголов. судопроиз., такъ, что если сторона потребуетъ представленія новаго доказательства, то судъ долженъ дать противной сторонѣ возможность приготовиться къ опроверженію этого доказательства, отсрочивая въ случаѣ надобности засѣданіе, если эта послѣдняя не изъявитъ своего согласія на представленіе этого новаго доказательства.

Наконецъ третій вопросъ, авторъ, на основаніи 766, 804, 614 ст. устава уголов. судопроиз. рѣшаетъ въ пользу допущенія новыхъ свидѣтелей къ присягѣ и признаетъ за такими свидѣтелями значеніе юридическаго доказательства, такъ какъ въ уставѣ уголов. судопроиз. не упоминается о свидѣтеляхъ для справки, а безъ *lex specialis* невозможно предполагать ихъ существованіе. Категоріи лицъ, исчисленныхъ въ 705—708 ст. устава уголов. судопроиз., которыя не допускаются къ присягѣ, нельзя тоже считать свидѣтелями для справки, такъ какъ по 803 ст. устава уголовнаго судопроиз. объясненія предсѣдателя суда, касающіяся общихъ основаній къ сужденію о силѣ доказательствъ, имѣютъ значеніе только предостереженія отъ всякаго увлеченія къ обвиненію или оправданію подсудимаго, а по рѣшенію кассационнаго департамента по дѣлу Короткова (1869 г. № 535), «оцѣнка доказательной силы какъ присяжныхъ, такъ и безприсяжныхъ показаній вполне зависитъ отъ суда, и стороны нисколько не стѣснены въ опроверженіи свидѣтельскихъ показаній, данныхъ подъ присягой.»

Въ 8 § авторъ разсматриваемаго нами сочиненія говоритъ объ общей обязанности давать свидѣтельскія показанія въ судѣ и о лицахъ, освобожденныхъ отъ этой обязанности. Въ послѣднемъ отношеніи авторъ говоритъ сперва о ближайшихъ родственникахъ и разсматриваетъ теоріи: освобождающую родственниковъ отъ обязанности свидѣтельствовать, и обусловливающую допросъ такихъ свидѣтелей изъявленіемъ согласія со стороны допрашиваемаго родственника. Последнюю теорію онъ считаетъ болѣе правильною, а даже не отвергаетъ допущенія такихъ свидѣтелей къ присягѣ, по примѣру баварскаго законодательства, требуетъ только, чтобы судья осторожно принималъ свидѣтельскія показанія родственниковъ подсудимаго, и всегда старался разслѣдовать причины, побудившія ихъ показывать въ судѣ. Затѣмъ

онъ упоминаетъ о священникахъ, которыхъ, по примѣру Bonnier. § 269, желаетъ освободить отъ обязанности показывать не только о тѣхъ обстоятельствахъ, о которыхъ они узнали при исповѣди, но даже о тѣхъ, которыя были имъ сообщены подъ тайною. Далѣе онъ исчисляетъ въ этой же категоріи государственныхъ чиновниковъ, защитниковъ, врачей и повивальныхъ бабокъ, требуя отъ нихъ присяги въ томъ, что объ обстоятельствахъ извѣстныхъ имъ, они узнали при отправленіи своихъ обязанностей, подъ условіемъ тайны, и только послѣ принесенія такой присяги освобождаетъ ихъ отъ обязанности свидѣтельствовать. Наконецъ, авторъ говоритъ объ освобожденіи отъ обязанности отвѣчать на извѣстные вопросы и разсматриваетъ постановленія дѣйствующихъ въ Царствѣ Польскомъ законодательствъ: прусскаго 11 декабря 1805 и австрійскаго 3 сентября 1803 г., а затѣмъ устава уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г.

Въ 9 § Островскій исчисляетъ и разсматриваетъ общія условія, которыя служатъ основаніемъ оцѣнки достовѣрности свидѣтельскаго показанія, а именно:

- а) физическое развитіе свидѣтеля;
- б) умственное его развитіе;
- в) полъ;
- г) нравственность свидѣтеля;
- д) его вѣроисповѣданіе;
- е) промежутокъ времени между наблюденіемъ и показаніемъ;
- ж) расположеніе духа свидѣтеля во время наблюденія;
- з) внутреннія качества показанія;
- и) внѣшнюю форму показанія, т. е. поведеніе свидѣтеля предъ судомъ.

Хотя эти общія условія должны всегда руководить судьей, но законодатель, кромѣ того, долженъ опредѣлить и опредѣляетъ еще различныя ручательства достовѣрности свидѣтельскихъ показаній, которыя Островскій раздѣляетъ на непосредственныя и посредственныя.

Непосредственныя ручательства опираются на условія, требуемыхъ отъ свидѣтельскаго показанія (§ 3). Первые два изъ этихъ условій, — а именно: чтобы свидѣтель обладалъ способностью правильно наблюдать и передавать свои наблюденія, и чтобы онъ желалъ показать правдиво, — относятся къ личности свидѣтеля, и потому ручательства имъ соотвѣтствующія, носятъ названіе *субъективныхъ*, и содержатъ исчисленіе категорій лицъ, которыя не удовлетворяютъ онымъ (неспособные и подозрительные свидѣтели). Третье условіе, а именно — чтобы сама передача наблюденій, соединяла въ себѣ качества, которыя бы доставляли убѣжденіе относительно существованія двухъ первыхъ условій, — касается

самого показанія, и потому соотвѣтствующія ему ручательства носятъ названіе *объективныхъ* а именно:

- а) присяга и наказаніе за лжеприсягу;
- б) собственное наблюденіе;
- в) внѣшнія качества показанія;
- г) внутреннія качества показанія;
- д) согласіе съ другими доказательствами;
- е) число свидѣтелей.

Изъ исчисленныхъ объективныхъ ручательствъ, первыя два можно бы назвать субъективно-объективными, но такъ какъ элементъ объективный имѣетъ въ нихъ перевѣсъ, то Островскій зачисляетъ оныя къ объективнымъ

Подробное изложеніе указанныхъ ручательствъ составляетъ содержаніе всей остальной части разсматриваемаго нами сочиненія, авторъ котораго, переходя къ разбору субъективныхъ ручательствъ, опредѣляетъ сперва въ 10 § общее значеніе неспособности и подозрительности. Неспособнымъ свидѣтелемъ онъ считаетъ такого, который не можетъ правильно наблюдать или вѣрно показывать; подозрительнымъ-же такого, въ отношеніи котораго существуетъ болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе, что онъ не можетъ правильно наблюдать и правдиво показать. При этомъ онъ замѣчаетъ, что всѣхъ неспособныхъ и подозрительныхъ свидѣтелей въ уставахъ исчислить нельзя, что стремленіе къ такому исчисленію нужно оставить за наукою, руководствуясь указаніями которой, судья въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ долженъ оцѣнить, къ какой категоріи отнести даннаго свидѣтеля.

Затѣмъ въ 11 § Островскій группируетъ неспособныхъ свидѣтелей въ три отдѣла: неспособныхъ по физическимъ и умственнымъ недостаткамъ, по особенному отношенію свидѣтеля къ дѣлу, и по личнымъ его особенностямъ, не состоящимъ въ связи съ дѣломъ,—и замѣчаетъ, что неспособность можетъ быть: общая или особенная и постоянная или временная.

Къ категоріи неспособныхъ по физическимъ и умственнымъ недостаткамъ онъ зачисляетъ:

а) дѣтей, считая опредѣленіе въ законѣ возраста, до котораго дѣти безусловно неспособны показывать, невозможнымъ, и потому предлагаетъ оставить разрѣшеніе вопроса о возможности допрашивать ребенка въ качествѣ свидѣтеля на благоусмотрѣніе суда;

б) безумныхъ и сумасшедшихъ;

в) лицъ, которымъ недостаетъ чувствъ, соотвѣтствующихъ извѣстнымъ явленіямъ;

г) необразованныхъ глухонѣмыхъ, у которыхъ нѣтъ средствъ сообщаться съ другими людьми.

Ко второй категоріи неспособныхъ свидѣтелей по особенному ихъ отношенію къ дѣлу, авторъ зачисляетъ:

а) подкупленныхъ свидѣтелей, къ которымъ причисляетъ и доносчика, который за доносъ получаетъ по закону денежное вознагражденіе;

б) стороны, дѣйствующія въ процессѣ съ тѣмъ, что подсудимый не можетъ считаться свидѣтелемъ, если онъ показываетъ въ свою пользу; что прокуроръ вообще не можетъ показывать;—что потерпѣвшій отъ преступленія даже тогда, когда онъ является гражданскимъ истцемъ, не можетъ быть зачисленъ въ категорію неспособныхъ, а только подозрительныхъ свидѣтелей;—такъ что въ эту категорію собственно слѣдуетъ зачислить только частныхъ обвинителей;

в) ближайшихъ родственниковъ подсудимаго.

Къ третьей категоріи неспособныхъ по личнымъ особенностямъ свидѣтеля, не состоящимъ въ связи съ дѣломъ, имѣя въ виду постановленія законодательства, Островскій относитъ: лица извѣстнаго вѣроисповѣданія, и лица, приговоренныя къ гражданской смерти или другому опозоривающему наказанію, хотя онъ и не считаетъ этихъ лицъ неспособными свидѣтелями *inthesi*.

Въ заключеніи этого изложенія, Островскій опровергаетъ причисленіе къ категоріи неспособныхъ свидѣтелей—лицъ, исполняющихъ въ томъ же дѣлѣ обязанность прокурора, защитника, судьи или присяжнаго, ибо всѣ эти лица могутъ показывать, и быть признаны достовѣрными свидѣтелями, если они устраняютъ себя отъ исполненія исчисленныхъ обязанностей по этому дѣлу.

Въ 12 §, подраздѣливъ подозрительность на общую и особенную, касающуюся способности хорошо наблюдать и показывать и касающуюся доброй воли сказать правду, Островскій къ категоріи подозрительныхъ свидѣтелей по физическимъ и умственнымъ недостаткамъ зачисляетъ:

а) дѣтей, предлагая оставить за судомъ оцѣнку степени подозрительности такихъ свидѣтелей и разрѣшеніе вопроса, когда отъ нихъ можно принимать присягу;

б) слабоумныхъ и сумасшедшихъ, а также пьяныхъ во время наблюденія, на сколько они не принадлежатъ къ категоріи неспособныхъ;

в) лицъ, у которыхъ слабы чувства, соотвѣтствующія извѣстнымъ явленіемъ;

г) глухихъ, нѣмыхъ, глухонѣмыхъ.

Затѣмъ къ категоріи подозрительныхъ свидѣтелей по особенному отношенію къ дѣлу, авторъ зачисляетъ:

1) лицъ, имѣющихъ интересъ въ исходѣ дѣла, а именно:

а) лицъ, имѣющихъ имущественный интересъ въ дѣлѣ, напр.